

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Опытъ сравнительной психологій съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологій

А. ЭСПИНАСА.

Перевелъ со втораго французскаго изданія

Ф. Павленковъ.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

2235

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

KE 20874

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Желая избѣжать погрѣшностей въ передачѣ зоологическихъ деталей этой книги, я читалъ свой переводъ частью въ рукописи, частью въ корректурныхъ листахъ—двумъ экспертамъ зоологін, отъ которыхъ и получилъ, не смотря на разнорѣчіе между ними, не мало полезныхъ указаній относительно научной терминологіи предмета и номенклатуры животныхъ.

Затѣмъ, что касается остальнаго, т. е. самаго существа книги, то съ этой стороны я долженъ принять на себя полную отвѣтственность передъ читателемъ, такъ какъ здѣсь зоологическая экспертиза въ большинствѣ случаевъ не могла меня удовлетворить, а потому, прочитавши съ нею двѣ трети книги, я счелъ лишнимъ продолжать дальнѣйшее повѣрочное чтеніе: это только замедлило бы выходъ русскаго изданія безъ всякой пользы для дѣла.

Ф. Павленковъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

Τὸν φύσει ἡ πόλις ἐστὶ

(Аристотель, Политика, I, 1, 9)

I.

Вопросъ: что такое общество животныхъ? У этого вопроса нѣтъ другой исторіи, кромѣ исторіи связаннаго съ нимъ вопроса: что такое общество людей?—Постановка этого вопроса въ Греціи софистами.—Представленныя рѣшенія; теорія Платона: Общество—живое существо, которому мудрецъ предписываетъ законы божественной жизни.—Теорія Аристотеля: общество, рассматриваемое, какъ конкретное существо, составляющее часть природы и изучаемое при помощи экспериментальнаго анализа.—Противоположная теорія Гоббса и Локка: общество, рассматриваемое, какъ дѣло искусства, какъ абстрактное понятіе, подчиненное однимъ законамъ логики и стоящее внѣ природы.—Возвращеніе ко взглядамъ Аристотеля и его методу: Спиноза.—Эти взгляды согласуются съ метафизикой какъ Лейбница, такъ и Спинозы. Они подтверждаются Монтескьё, экономистами и Кондорсё.

Фактъ существованія животныхъ обществъ извѣстенъ, но не объясненъ. До сихъ поръ онъ не былъ связанъ ни съ какимъ общимъ закономъ природы. Разсужденія о немъ, едва выходящія за предѣлы констатированія явленія, встрѣчаются въ трудахъ натуралистовъ какъ бы случайно: тамъ и сямъ вы найдете у нихъ простыя указанія на извѣстныя агломерациі животныхъ, которыя они называютъ то колоніями, то республиками или государствами. Но названія эти мало способствуютъ уясненію природы животныхъ обществъ, такъ какъ въ свою очередь и политики, желая распредѣлить социальныя тѣла по свойствамъ, сближающимъ ихъ съ другими существами, и обращая вниманіе одни на ихъ промышленность, другіе — на многочисленность, третьи, наконецъ, на ихъ медленное и самопроиз-

вольное возрастаніе, называютъ эти тѣла—то ульями, то муравейниками, то полипниками и даже деревьями. Такимъ образомъ, въ то время какъ натуралисты, подчиняясь безотчетной необходимости обобщенія, сравнивали животныя общества съ человѣческими, политики, движимые тѣмъ же побужденіемъ, уподобляли человѣческія общества общинамъ животныхъ. Но такъ какъ ни тѣ, ни другіе изъ нихъ не стремились къ уясненію источниковъ и основной сути этого сравненія, то они обоюдно только увеличивали своими уподобленіями общую путаницу вмѣсто того, чтобы сколько нибудь ее разсѣять.

Нѣтъ науки частнаго. Двѣ указанныя группы фактовъ, обладающія несомнѣнной аналогіей и обозначаемаыя однимъ тѣмъ же словомъ, могутъ уясниться для насъ лишь тогда, когда они будутъ сведены къ одному закону, вытекающему изъ ихъ общихъ свойствъ. Тщетны и безплодны всѣ столь часто возобновляемыя попытки открыть законы социальной жизни въ человѣческомъ обществѣ независимо отъ ея проявленій въ остальной природѣ. Нельзя однако же не замѣтить, что одного простаго сближенія или аналогіи тутъ мало: для точнаго опредѣленія искомыхъ отношеній, какъ необходимое прелиминарное условіе, требуется глубокое изученіе обоихъ предметовъ или, вѣрнѣе, терминовъ сравненія. Вотъ почему мы сосредоточиваемъ теперь все наше вниманіе на социальной жизни животныхъ, на животныхъ обществахъ. Когда затѣмъ экспериментальное знаніе человѣческихъ обществъ достаточно подвинется впередъ, сравненіе ихъ между собой можетъ сдѣлаться плодотворнымъ и наука съ большими шансомъ на успѣхъ будетъ въ состояніи приступить къ обобщеніямъ, имѣющимъ цѣлью подвести оба рода аналогичныхъ фактовъ подъ одинъ законъ.

Ни одно живое существо не бываетъ одиновимъ. Животныя въ особенности поддерживаютъ многочисленныя сношенія съ окружающими ихъ сосуществованіями и не только тѣ, которыя живутъ въ постоянномъ общеніи съ себѣ подобными, но почти всѣ, побуждаемыя біологическими требованіями, вступаютъ хотя иногда и въ кратковременный, но тѣсный союзъ съ другимъ индивидумомъ одного съ ними вида. Даже въ областяхъ, гдѣ еще нѣтъ раздѣленія по-

ловъ—и тамъ мы уже находимъ нѣкоторые слѣды соціальной жизни у животныхъ, живущихъ, подобно растеніямъ, приврѣпленными къ общему корневищу (*souche*) и у тѣхъ низшихъ существъ, которыя прежде чѣмъ отдѣлиться отъ организма, дающаго имъ жизнь, остаются нѣкоторое время приросшими къ нему и составляютъ одно цѣлое съ его существомъ. Итакъ, совмѣстная жизнь въ животномъ царствѣ не составляетъ случайнаго явленія; она появляется не по прихоти или какому-либо капризу то тамъ, то здѣсь; это совсѣмъ не привиллегія (какъ часто думаютъ) нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ на зоологической лѣстницѣ видовъ, каковы напр. бобры, пчелы и муравьи, а напротивъ—какъ мы надѣемся доказать въ этомъ сочиненіи—нормальный, постоянный и всемірный фактъ. Отъ самыхъ низшихъ ступеней лѣстницы и до самыхъ высшихъ, всѣ животныя въ извѣстный моментъ ихъ существованія входятъ въ составъ какого-нибудь общества: соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни. Это—біологическій законъ, который не бесполезно будетъ выяснитъ какъ можно лучше. Такимъ же общимъ закономъ можно считать постоянное прогрессирующее въ развитіи соціальныхъ привычекъ: каждая зоологическая группа всегда подвигаетъ немного дальше въ томъ или другомъ направленіи усовершенствованіе этихъ привычекъ. Наконецъ, соціальные факты подчинены законамъ, и эти законы одинаковы повсюду, гдѣ только они проявляются, такъ что общественный міръ образуетъ въ природѣ значительную область, имѣющую свое обособленное единство и составляющую одно однородное цѣлое, гармонически связанное во всѣхъ своихъ частяхъ.

Этого вполне достаточно для того, чтобъ къ его изученію прилагался научный методъ. Если все вышесказанное вѣрно, то всякій согласится съ нами, что было бы крайне интересно установить путемъ наблюденія всеобщность факта соціальной жизни, прослѣдить черезъ всю зоологическую лѣстницу все болѣе и болѣе поразительныя ея проявленія и отыскать ея существенные законы. Это именно мы и попытаемся сдѣлать, нисколько не скрывая отъ себя новости, а слѣдовательно и крайней трудности такой задачи.

Но къ этому опытному изысканію примѣшиваются еще самые

деликатные вопросы высокой важности, которые, увеличивая затруднения, въ то же время удваиваютъ его интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, переходя послѣдовательно отъ одной социальной животной группы къ другой, мы скоро замѣтимъ, что въ образованіи ихъ все большую и большую роль играетъ представленіе, т. е. совершенно психологическій мотивъ, и что оно, наконецъ, становится главной побудительной причиной ассоціаціи. Но съ этого момента мы увидимъ, что, подобно тому, какъ составные элементы живаго тѣла своимъ приспособленіемъ къ одной и той же биологической дѣятельности образуютъ одно цѣлое, которое въ многообразіи своихъ частей живетъ одной и той же жизнью, точно также и индивидуальныя животныя, составляющія общество, путемъ обмѣна ихъ представленій и взаимности психологическихъ актовъ, стремятся создать одно общее болѣе или менѣе концентрированное сознание, кажущееся на видъ какъ бы индивидуальнымъ. Отсюда является двойная задача, къ разсмотрѣнію которой мы не можемъ приступить теперь же, но рѣшеніе которой будетъ подготавливаться нами въ продолженіе всей нашей классификаціи обществъ:

1° Каково отношеніе индивидовъ къ психическому центру, съ которымъ связана ихъ дѣятельность и къ группѣ, среди которой они рождаются, какъ отдѣльныя тѣла и обособленные сознания? Какъ согласить между собой индивидуальности цѣлаго и частей, и если цѣлое составляетъ настоящій индивидъ, то какимъ путемъ образуется въ немъ коллективное сознание?

2° Какого рода существо представляетъ собой общество? Есть ли существо, въ собственномъ смыслѣ слова, нѣчто реальное и конкретное или только абстракція, понятіе безъ соответствующаго ему осязаемаго предмета, простое выраженіе, слово? Коротче, есть ли общество такое же живое и реальное существо, какъ индивидъ (даже, пожалуй, болѣе реальное), или же это только единство совокупности, словесное обозначеніе сущности, все содержаніе которой исчерпывается индивидомъ?

Важность этихъ вопросовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе они не были еще ясно поставлены относительно животныхъ обществъ, хотя не разъ поднимались по поводу социаль-

ной жизни человека. Среди этих дебатов оппоненты нередко указывали вскользь и на фактъ животныхъ обществъ, но онъ служилъ имъ, какъ аргументъ для подкрѣпленія самыхъ противоположныхъ доктринъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію этого факта, намъ необходимо сдѣлать обзоръ главнѣйшихъ системъ общественной философіи, хотя бы только въ ихъ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, съ тѣмъ чтобъ познакомиться съ различными рѣшеніями относительно проблемы социальной жизни вообще и съ теоріями, которыя въ частности, хотя бы и мимоходомъ, высказывались до сихъ поръ философами по поводу животныхъ обществъ.

Первые синтетическіе взгляды на человѣческое общество были высказаны въ Греціи софистами. Кому же именно изъ нихъ мы должны приписать честь такого важнаго обобщенія? Древность на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта: нужно думать, что идеи, которыя намъ предстоитъ изложить, принадлежали не столько какому-либо отдѣльному человѣку или даже цѣлой группѣ людей, сколько времени и обществу. Повидимому, онѣ были распространены какъ бы въ воздухѣ Аѣинъ, когда тамъ процвѣтала школа софистовъ и получили отъ нея лишь болѣе рельефную форму и смѣлое развитіе. Правда, ихъ принимали скорѣе люди, склонные къ новшествамъ, но принимая ихъ, они не переставали быть и считать себя «добрыми гражданами». Въ самомъ дѣлѣ, пользуясь съ большимъ рвеніемъ этими идеями для критики старыхъ заблужденій, они не подозревали, что потрясаютъ этимъ путемъ основы и взрываютъ на воздухъ древнее знаніе гражданственности.

Софисты высказывали болѣе или менѣе ясно (по крайней мѣрѣ такъ резюмируетъ ихъ ученіе Платонъ), что міръ дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ подчинена природѣ и ея неизмѣннымъ законамъ, другая управляется свободной волей людей (*Законы*, 880, 6).

Къ первой, громадной по размѣрамъ, принадлежать всѣ неодушевленные и одушевленные существа и самъ человѣкъ, насколько онъ является продуктомъ природы; ко второй, гораздо менѣе значительной и бесплодной,—всѣ человѣческія произведенія, наши орудія, жилища, законы и вѣрованія. Отсюда два рода бытія: естественное (φύσει) и искусственное (θεσει). Спрашивается теперь, не есть ли общество—существо условное, созданное и поддерживаемое искусствомъ человѣка? По ученію софистовъ, это не совсѣмъ такъ, а судя по рѣчи Калликлеса въ *Gorgias*, скорѣе даже обратное. Правда, большая часть нашихъ законовъ произвольна и условна, но есть между ними и такіе, которые, ускользая отъ нашего вниманія, вытекаютъ изъ взаимодействія социальныхъ силъ, изъ столкновенія интересовъ и страстей, и эти законы—естественные. Напрасно люди старались подчинить естественное право праву условному, договорному; воля болѣе сильнаго легко разбиваетъ эти хрупкія преграды (*Gorgias*, рѣчи Калликлеса). Впрочемъ, доктрина эта способна принимать самое удовлетворительное толкованіе, если признать, что общая воля, откуда выходитъ опредѣленіе добра и зла по гражданскому закону, въ суммѣ всегда сильнѣе индивидуальныхъ капризовъ. Итакъ, мы находимъ здѣсь въ первый разъ выраженіе той идеи, что общественная организація есть явленіе природы, которое совершается самопроизвольно, предшествуя человѣческимъ договорамъ и мѣропріятіямъ и главенствуя надъ ними.

Одно ироническое мѣсто у Аристофана (*Облака*, 1410—1430) показываетъ намъ, что тогдашніе партизаны новыхъ началъ прибѣгали къ сравненію человѣческаго общества съ обществами животныхъ, чтобъ открыть участіе природы въ организаціи семьи и гражданскихъ отношеній. «Не былъ ли такой же человѣкъ, какъ мы, тотъ, кто установилъ законъ, что сынъ не долженъ бить своего отца и заставилъ своихъ современниковъ принять его? Почему же не могъ бы и я издать новый законъ, который позволялъ бы сыновьямъ бить своихъ отцовъ, подобно тому, какъ тѣ бьютъ своихъ дѣтей? Посмотри на пѣтуховъ и другихъ животныхъ: не защищаются ли они противъ своихъ родителей. Между тѣмъ въ чемъ же

и заключается разница между ними и нами, какъ въ не томъ, что они не издаютъ указовъ?»?

Съ этой точки зрѣнія, софисты могли бы вывести законность племенной вражды: какъ естественна борьба между двумя семействами или группами животныхъ, такъ же точно имъ казалась натуральной война и взаимное отрицаніе всякихъ правовыхъ отношеній между греками и варварами. Но они особенно поражались искусственнымъ, произвольнымъ характеромъ основныхъ учрежденій греческихъ городскихъ общинъ и осуждали исключеніе иностранцевъ и рабство, какъ совершенно условныя основы общественного строя. По крайней мѣрѣ такъ можно судить по весьма извѣстной рѣчи одного софиста въ *Protagoras*: «На всѣхъ васъ, кто здѣсь есть, я смотрю, какъ на родныхъ, друзей и согражданъ, если не по закону, то по природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подобный имѣетъ естественное влеченіе къ подобному; но законъ, этотъ тиранъ людей, часто насилуетъ природу» (*Protagoras*, переводъ на француз. Кузена, стр. 70). На то же самое указываетъ и слѣдующее мѣсто изъ Аристотеля, относящееся, безъ сомнѣнія, къ однимъ и тѣмъ же политическимъ теоріямъ: «Нѣкоторые утверждаютъ, что рабство противно природѣ, такъ какъ различіе между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ есть только юридическая законодательная фикція, природа же не дѣлаетъ между ними никакой разницы. Вотъ почему рабство, будучи основано на насиліи закона надъ природой, болѣе чѣмъ несправедливо» (Аристотель. *Политика*, I, II, 3). Итакъ, мы видимъ, что софисты уже осуждали современное имъ положеніе вещей во имя болѣе совершеннаго естественнаго состоянія, существовавшаго лишь въ ихъ умѣ—дорогая черта реформаторовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Всѣ усилія Сократа и его послѣдователей (которыхъ Цицеронъ называетъ сократистами) были направлены противъ доктрины софистовъ, угрожавшей безпорядками: ученіе это указывало на глубокое противорѣчіе между естественными законами и положительнымъ законодательствомъ государства. Нельзя отрицать—какъ говоритъ Гротъ,—что, съ аѳинской точки зрѣнія, софисты и сократисты были то, что мы называемъ теперь революціонерами и кон-

серваторами *). Сократъ утверждалъ, что общественныя явленія, такъ же какъ и всѣ другія группы явленій, подчинены своимъ особымъ условіямъ, и что эти условія составляютъ предметъ науки, безъ которой *политика* не достойна своего имени. Возмутительно видѣть, что никто не стремится стать лоцманомъ, архитекторомъ или врачомъ, не зная законовъ мореплаванія, построекъ и жизни, между тѣмъ какъ первый пройдоха, лишенный какихъ бы то ни было специальныхъ знаній по обществовѣднію, не возбуждая удивленія, претендуетъ на управленіе гражданами. Указавши на такой сомнительный источникъ законодательства, Сократъ въ то же время утверждаетъ, что естественныя законы, составляющіе непрѣмное условіе существованія обществъ, тождественны съ тѣми положительными законами и тѣмъ правосудіемъ, казія даются кодексами. Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ (*Меморабія IV*, 4, 12, 13, 19, 25)—писанные законы произвольны; они основаны не на писанныхъ законахъ, которые сами боги начертали въ сердцахъ человѣка. Иначе, какимъ бы образомъ различные народы совпали между собой въ признаніи наиболѣе общихъ изъ этихъ условій и положили бы ихъ въ основу своихъ кодексовъ? Итакъ, не признавать этихъ законовъ равносильно безбожію и измѣнѣ своему отечеству. Таковы тенденціи всѣхъ сократистовъ и въ частности Платона. Они стоятъ рядомъ съ тѣми мыслителями, которые признаютъ общество за произведеніе природы (τῶν φύσει), но въ то же время смотрятъ на природу, какъ на актъ божественной воли; естественныя моральныя законы, въ ихъ глазахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сверхъестественныя, причѣмъ религія и религіозная нравственность заинтересованы въ своемъ сохраненіи не менѣе, чѣмъ само государство.

Такимъ образомъ политика Платона можетъ быть раздѣлена на двѣ части: съ одной стороны онъ признаетъ социальныя законы естественными и согласными съ законами, наблюдаемыми въ животныхъ обществахъ; съ другой же—старается доказать, что истинная природа этихъ законовъ заключается въ вѣчной идеѣ справедливости, и что государства находятъ нормальныя условія своего

*) См. Гротъ. *Исторія Греціи*, томъ XII.

существованія въ ихъ согласіи съ идеаломъ абсолютнаго. Нельзя не замѣтить глубокаго противорѣчія между этими двумя доктринами. Оно такъ глубоко, что Платонъ никогда не могъ его изгладить и примирить въ высшемъ синтезѣ. Какъ теоретическій политикъ, онъ является передъ нами въ одно время и самымъ крайнимъ реалистомъ и самымъ крайнимъ идеалистомъ.

За исключеніемъ Ксенофонта, едва ли не самаго вѣрнаго представителя политическихъ тенденцій Сократа, никто не выказалъ столько отвращенія, какъ Платонъ, къ этимъ «нечестивцамъ», видѣвшимъ въ гражданскихъ и религіозныхъ законахъ дѣло человеческихъ рукъ. Онъ желалъ бы заставить ихъ замолчать и совѣтуетъ не шадить никакихъ усилій для убѣжденія ихъ въ томъ, что общества съ своими древними учрежденіями есть произведеніе природы, дѣло творческаго провидѣнія. Таковы на самомъ дѣлѣ положенія, составляющія основу политическихъ діалоговъ. Они, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма энергично въ нихъ поддерживались.

По Платону, первымъ двигателемъ общественной жизни является обычай, т. е. совокупность постоянныхъ влеченій, или нравы, изъ которыхъ исходятъ законы. Безъ нравовъ законы не могли бы устоять ни одной минуты; безъ нравовъ они не могли бы даже и создаться, ибо законы въ сущности тѣ же нравы, но только облеченные въ формулы (*Законы*, 793, а). Но нравы въ свою очередь зависятъ отъ мнѣній — не тѣхъ, которыя освѣщаются размышленіемъ и наукой, а тѣхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ являются безсознательными инстинктами народовъ (752, с). Климатъ, пища, всё вообще внѣшнія обстоятельства значительно вліяютъ какъ на складъ идей, такъ и на строеніе тѣла (747, d). Хорошій или дурной государственный строй, достойное или презрѣнное правительство зависятъ поэтому прежде всего отъ вліянія міровой среды; сама природа или благопріятствуетъ имъ, или создаетъ для нихъ препятствія. (709, а).

Опредѣляющей причиной общественной организаціи является потребность; подъ ея вліяніемъ, населеніе, состоящее вначалѣ изъ сходныхъ индивидовъ, раздѣляется на группы, выполняющія раз-

личные отправленія, которыя скоро становятся необходимыми одни для другихъ. Этотъ законъ, называемый нами *раздѣленіемъ занятій*, поставленъ и выясненъ Платономъ со всей надлежащей точностью (*Республика*, 379, а), причемъ онъ опредѣляетъ и ея настоящіе мотивы: 1) работа, избираемая согласно съ наклонностями, идетъ болѣе успѣшно; 2) то, что дѣлается постоянно, производится лучше, въ большемъ количествѣ и съ меньшимъ трудомъ; 3) при занятіяхъ, всецѣло посвященныхъ одному и тому же предмету, менѣе теряется времени и различного рода благоприятныхъ случайностей *). Такимъ путемъ устанавливается между различными классами тѣсная солидарность, дѣлающая ихъ дорогими другъ для друга.

Кромѣ того, люди одного государства, сыны одной и той же земли, не могутъ не любить другъ друга, какъ братья, если они считаютъ себя дѣтьми одной общей родины (*Республика*, 414, d.). Всѣ члены Платонова государства при тѣсномъ союзѣ связаны между собой еще кровными узами, но такъ, что тамъ, какъ въ стадѣ, отцы не знаютъ своихъ дѣтей и дѣти своихъ отцовъ. Всѣ взрослые одинаково заботятся объ общемъ потомствѣ и, наоборотъ, всѣ члены подростоваго поколѣнія оказываютъ почтеніе старшимъ. Женщины такъ же, какъ самки животныхъ, раздѣляютъ всѣ работы мужчинъ. Если наиболѣе красивые представители одного пола соединяются съ наиболѣе красивыми представителями другого, то племя развивается путемъ полового подбора, дѣйствіе котораго усиливается еще тѣмъ, что слабыя дѣти уничтожаются. Вообще дѣти походятъ на родителей и наследуютъ отъ нихъ ихъ качества, что должно опредѣлять ихъ вступленіе въ одинъ и тотъ же классъ общества. Къ дѣйствию подбора и наследственности присоединяется еще воспитаніе, вліяющее на человѣка такимъ же могущественнымъ образомъ, какъ на животное и растеніе. Оно прививаетъ къ молодымъ гражданамъ извѣстныя вѣрованія и привычки, безъ которыхъ недействительны никакіе законы.

*) Εκ δὲ τούτων πλείωτε ἕκαστα γίγνεται καὶ κάλλιον καὶ ῥᾶον, ὅταν εἰς ἓν κατὰ φύσιν καὶ ἐν καιρῷ, σχολὴν πᾶν ἄλλον ἄτων, πράττη. (*Респуб.* 370, с.).

Такимъ-то образомъ устанавливается какъ бы само собой единство государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется та стойкость сопротивленія, которую общественныя тѣла противопоставляютъ многочисленнымъ вліяніямъ, стремящимся къ ихъ разрушенію. Государство представляетъ собой живое тѣло, подобное индивиду. Различные его классы соответствуютъ различнымъ способностямъ отдѣльнаго лица. У него, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя душа, исходящая изъ общаго всемірнаго духа. Такъ же, какъ человѣкъ, оно рождается, развивается и умираетъ и такъ же, какъ онъ, имѣетъ свои болѣзни, происходящія отъ столкновенія между его отправлениями, нарушающаго ихъ согласіе и гармонію. Все это свойства, характеризующія общество, какъ продуктъ природы. Трудно идти далѣе въ натуралистическихъ воззрѣніяхъ на его природу.

Таково ученіе Платона о государствѣ съ его реальной стороны. Но у него есть еще другая совершенно противоположная сторона, которую мы здѣсь и рассмотримъ. Не нужно забывать, что начало всѣхъ наукъ лежитъ въ искусствахъ — всякая наука въ первой фазѣ своего существованія была искусствомъ. Такимъ же точно образомъ и практическая политика разрабатывалась значительно прежде аналитическаго изслѣдованія обществъ. Платона занимаетъ не то, что такое общество, а чѣмъ оно *должно* быть. Поэтому его сочиненія заключаютъ въ себѣ не столько наблюденія надъ социальными явленіями, сколько правила общественной жизни. Руководящую роль въ его политикѣ играетъ нравственность. Нравственность требуетъ, чтобъ человѣкъ былъ добродѣтельнымъ. Итакъ, вотъ цѣль, къ которой должна стремиться политика. Но въ чемъ состоитъ добродѣтель? Она имѣетъ чисто индивидуальный характеръ. Это — торжество разума надъ органическими наклонностями индивида, побѣда духа надъ плотью. Государство вполне удовлетворяетъ своему назначенію не тогда, когда оно, подобно животному, наслаждается здоровьемъ, изобиліемъ и благосостояніемъ, но когда его общественный строй благопріятствуетъ образованію добродѣтельныхъ гражданъ. Нѣтъ нужды, если оно погибнетъ, лишь бы только его учрежденія достигали этой цѣли, или — вѣрнѣе — необходимо, чтобъ